

winter). Недасяжнасць мінулага, якое надзейна хавае свае таямніцы, перадаецца дзеепрыметнікамі і дзеепрыметнымі зваротамі “накрыты” (*covered*), “пахаваныя пад скінутай вагой зімы” (*buried in the winter’s // shedding weight* [2]). Цікавасць уяўляе таксама бінарная апазіцыя “святло—цёмра”, дзе святло выступае маркерам цяперашняга часу, а цёмра — мінулага. Фон для больш позніх падзей ствараюць белы снег і ружовае неба на досвітку, тады як ранейшыя адбываюцца ў “цёмнай прасторы гарадоў” (*dark spaces of towns*), пад “чорнымі галінамі з цяжкім лісцем” (*black heavy-leaved branches*) і “цёмным покрывам лесу” (*inside a dark chamber of the wood*).

Матэрыялізаваны ў вобразе міфічнай істоты, створанай далёкімі продкамі і захаванай у калектыўнай памяці нацыі, міфічны час увасабляе трыадзінства рэтраспектыўнай, актуальнай і перспектыўнай тэмпаральнасцяў, іх узаемасувязь і ўзаемаўплыў, што адлюстроўваецца ў тэксце верша як на структурным, так і на лексічным узроўні: адваротным пераходам з рэтраспектыўнай у актуальную тэмпаральнасць напрыканцы верша, а таксама дзеясловамі цяперашняга закончанага часу (*have ruined, have brought*). У апошніх радках верша таксама адбываецца паяднанне актуальнай і перспектыўнай тэмпаральнасцяў праз сцверджанне адказнасці кожнага чалавека за тое, ці працягнецца жыццё на планеце (*offering // to each visitor a small portion of the world // in which they might work for the life of it* [2]). Нарэшце, пераход з тэмпаральнасці былога ў будучыню ўвасабляецца ў шары, які дрыяда трымае ў руках і прапаноўвае людзям як сімвал новага свету (*offer the frozen circumference of a new world* [2]).

Такім чынам, аналіз верша Шона Х’юіта “Дрыяда” дазваляе вылучыць у ім наступныя сродкі стварэння рэтраспектыўнай тэмпаральнасці: вобраз міфічнай істоты, часавыя формы дзеясловаў, а таксама лексемы з канатацыяй знікнення, холаду і цемры.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Edgoose, Ch. Influences & romanticism in Lantern / Ch. Edgoose. – URL: <https://wood-beepoet.com/2020/01/05/influences-romanticism-in-lantern/> (date of access: 05.02.2025).
2. Hewitt, S. Tongues of Fire / S. Hewitt. – London : Penguin Books, 2020. – 80 p.

М. В. РОМАНЮК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ В РОМАНЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ «ВВЕДИТЕ ОБВИНЯЕМЫХ»

Роман Хилари Мантел «Введите обвиняемых» — это вторая часть трилогии, посвященной жизни Томаса Кромвеля, одного из самых

влиятельных политиков времен правления английского короля Генриха VIII. В повествовании описывается падение второй жены короля Анны Болейн, которая была обвинена в супружеской неверности, инцесте и государственной измене. Х. Мантел мастерски воссоздает атмосферу XVI в., сочетая историческую достоверность с глубоким психологическим анализом персонажей. В то же время писательница предлагает свежий взгляд на историю, избегая упрощенных или стереотипных интерпретаций, что в значительной степени достигается с помощью постмодернистских стратегий.

Одной из важных техник постмодернизма, реализованных в произведении, является деконструкция самого жанра. Х. Мантел сознательно отходит от конвенций классического исторического романа и вместо беспристрастного всеведущего повествования в прошедшем времени выбирает рассказ в настоящем времени от третьего лица, но предельно близко к сознанию Томаса Кромвеля. Такой подход смешивает голос автора с внутренним голосом героя, создавая эффект, будто сам Кромвель ведет рассказ о себе.

В романе «Введите обвиняемых» деконструкции также подвергаются традиционные представления об исторических личностях и событиях. Х. Мантел разрушает стереотипное восприятие образов исторических фигур Тюдоровской эпохи, сложившееся в историографии и массовой культуре. Томас Кромвель, главный герой трилогии, обычно изображался историками и писателями как бездушный и коварный министр-тиран. Х. Мантел деконструирует этот стереотип и вместо однозначного злодея показывает сложного человека с собственными мотивами, травмами и внутренними конфликтами. Деконструкция подрывает и устоявшийся взгляд на Анну Болейн как на невинную жертву придворных интриг, заставляя читателя усомниться в «официальной» истории события. Анна Болейн в романе предстает умной, расчетливой и безжалостной женщиной. Хотя Т. Кромвель в конечном итоге стал автором заговора против Анны Болейн, в повествовании постоянно прослеживается мысль, что в ином случае жертвой оказался бы он сам и его сторонники: *Richard hugs him; says, 'If she had reigned longer she would have given us to the dogs to eat'.*

'If we had let her reign longer, we would have deserved it' [1, с. 463].

Создавая сложные и неоднозначные образы, Х. Мантел осуществляет деконструкцию дихотомии добра и зла, также свойственную постмодернизму. По мнению Т. Кромвеля, зло чаще всего является не внутренней константой личности, а реакцией на те или иные внешние обстоятельства: *It is better not to try people, not to force them to desperation. Make them prosper; out of superfluity, they will be generous. Full bellies breed gentle manners. The pinch of famine makes monsters [1, с. 41].*

Х. Мантел показывает, что общепринятые образы исторических деятелей являются результатом предыдущих нарративов, и предлагает иную, постмодернистски многогранную трактовку этих личностей. Такой подход не только показывает множественность возможных интерпретаций исторических событий и фигур, но и выражает постмодернистское недоверие к «метанарративам», под которыми Ж. Ф. Лиотар среди прочего подразумевал единые канонические версии истории [2, с. 9–10]. Сомнению подвергается не тот или иной текст, а сама возможность истинной репрезентации и объективной интерпретации.

Эффективным постмодернистским приемом, направленным на критику метанарративов, является введение в повествование симулякра. Понятие симулякра подробно рассматривается в трудах Жана Бодрийяра о гиперреальности – состоянии, при котором символы и образы заменяют собой реальность и формируют новую систему восприятия. Симулякр – это концепт, обозначающий копию, подобие или знак, который утрачивает связь с оригиналом и начинает функционировать как самостоятельная реальность. Симулякр создает иллюзию подлинности, даже если оригинал отсутствует или никогда не существовал [3, с. 15–24]. Описывая эпоху английской реформации, Х. Мантел показывает скептическое отношение героев романа к атрибутам католической церкви. Например, в следующем отрывке герои романа воспринимают мощи как симулякр, никогда не являвшийся телом святого: *In the year 1257, an elephant died in the Tower menagerie and was buried in a pit near the chapel. But the following year he was dug up and his remains sent to Westminster Abbey. Now, what did they want at Westminster Abbey, with the remains of an elephant? If not to carve a ton of relics out of him, and make his animal bones into the bones of saints?* [1, с. 82–83].

Симулякр задействуется и для того, чтобы выразить недоверие к подлинности исторических документов. Так, в книге, якобы написанной Генрихом VIII, по мнению подданных, король является автором лишь нескольких глав: *The king – it would be three or four years back and to justify his first divorce – put out a book called A Glass of the Truth. Parts of it, they say, he wrote himself* [1, с. 342]. Как следствие, книга воспринимается не как воплощение мыслей Генриха, а как имитация такого воплощения.

Повествовательная структура романа «Введите обвиняемых» во многом фрагментарна и нелинейна, что отражает постмодернистскую эстетику разорванного нарратива. Хотя описываемые события в целом развиваются хронологически, Х. Мантел не следует ровной сюжетной линии, а разбивает историю на серии сцен-воспоминаний, символических эпизодов и внезапных переключений, зачастую без плавных связок. В результате возникает эффект мозаики, кусочки которой нужно сложить самому читателю, зная контекст или догадываясь о нем. Таким образом иллюстрируется идея, что реальность

не имеет единой истории, она распадается на множество эпизодов, а связностью ее наделяют интерпретаторы.

Через фрагментарный способ повествования Х. Мантел показывает, что история Кромвеля (как и любая другая) никогда не будет рассказана целиком, т. к. она всегда состоит из отдельных сцен, выбранных и скроенных автором из бесконечного полотна реальности. Х. Мантел тонко подчеркивает условность границы между историческими фактами и художественным вымыслом. Писательница опирается на документированные события, но заполняет лакуны в источниках плодом творческого воображения. Известные факты служат каркасом, в то время как неизвестное между ними становится полем для художественной игры.

Таким образом, роман Х. Мантел «Введите обвиняемых» содержит такие черты постмодернистской литературы, как деконструкция жанра и образов, слияние истории с вымыслом, введение в повествование симулякра, фрагментарность. Эти техники позволяют расширить возможности классического исторического романа и показать субъективность восприятия и множественность интерпретаций прошлого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mantel, H. Bring up the bodies / H. Mantel. – London : 4th Estate, 2019. – 485 p.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – 159 с.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печенкина. – Тула : Тул. полиграфист, 2013. – 204 с.

Е. Г. САЛЬНИКОВА

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

КОНФЛИКТ В ПЬЕСЕ ЮДЖИНА О’НИЛА «ДОЛГИЙ ДЕНЬ УХОДИТ В НОЧЬ»

Пьеса Юджина О’Нила «Долгий день уходит в ночь» (1941), которая считается самым автобиографичным произведением драматурга, описывает мучительный, тяжелый и бесконечный день в летнем доме семьи Тайронов в Нью-Лондоне в 1912 г. Как известно, 1912 г. был самым важным годом в жизни О’Нила. Именно тогда он пытается покончить жизнь самоубийством, встречает свою первую жену, узнает, что у него туберкулез, и попадает в санаторий на полгода, где и начинает писать пьесы. В это же время закончилась выдающаяся актерская карьера его отца, Джеймса О’Нила, усугубилась наркотическая зависимость матери и алкоголизм старшего брата Джеймса.